

КАМЕННЫЙ ПОЯС ЗЕМЛИ РУССКОЙ

УДК 811.111–26:161.1+393.05:84+736.2

ББК 81.006.3+63.5+85.12

Из опыта изучения наивной геммологии: русский вдовый камень

Елена Львовна Березович

(Уральский федеральный университет: Российская Федерация, 620000,
г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51)

Олеся Дмитриевна Сурикова

(Уральский федеральный университет: Российская Федерация, 620000,
г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51;

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН: Российская Федерация,
121019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2)

Ури Штернгарц

(независимый исследователь, Российская Федерация, г. Екатеринбург)

Аннотация. Статья посвящена изучению геммонима **вдовый камень**, который в русской языковой традиции обозначает александрит и транслирует поверье о том, что женщина, носящая украшения с александритом, непременно овдовеет. В исторической геммологии считается, что подобные суеверия возникли на собственно русской почве в XX в. и касаются искусственной имитации (или синтетического аналога) александрита: наплыв на прилавки недорогих украшений с искусственным камнем привел к тому, что их обладательницами стали многие женщины, которые овдовели в ходе кровавых событий начала — первой половины XX в. Авторы не отказываются от этой версии происхождения названия **вдовый камень** 'alexandrit', однако предлагают и другие возможные мотивировки данной номинации, рассматривая «сюжет александрита» с точки зрения европейской траурной моды (семиотизация траура посредством ювелирного кода, траурные и меморативные украшения и подходящие для них ювелирные вставки), а также в контексте российской истории (связь камня с императором Александром II), семиотико-номинативного геммологического «стандарта» (красные камни как камни кровавые, дихроизм александрита как мощный импульс для символизации) и русской лингвокультурной традиции (каритивная мотивационная модель вдовства в разных предметных сферах, основанная на номинативных признаках темного цвета, непарности, выхолощенности, аномальности). Такой комплексный подход к изучению наивной геммонимии позволяет включить народные названия камней и связанные с ними представления в число объектов этнолингвистических исследований.

Ключевые слова: геммонимия, этнолингвистика, семиотика траура, мотивационная модель, история вещей.

Исследование выполнено в рамках проекта «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2020–0056).

Дата поступления статьи: 22 апреля 2021 г.

Дата публикации: 25 ноября 2021 г.

Для цитирования: Березович Е. Л., Сурикова О. Д., Штернгарц У. Из опыта изучения наивной геммологии: русский вдовый камень // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 11–26.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.001>

Если народная ботаника, народная медицина, народная лингвистика etc. завоевали себе прочное место среди объектов этнолингвистических исследований, то **народная (наивная) геммология** пока практически не изучалась (по крайней мере, в славянской этнолингвистике), за исключением немногих работ вроде [Brzozowska 1996]. Возможно, это связано с тем, что славянская этнолингвистика обращается в первую очередь к традиционной крестьянской культуре, а драгоценные и самоцветные камни занимают в ней не самое заметное место: будучи дорогими, они зачастую недоступны простому народу, а их добыча — за исключением биогенных образований (жемчуга, янтаря, коралла etc.) — весьма редко «компонуется» с сельскохозяйственным образом жизни (кроме некоторых уникальных зон, например, Среднего Урала).

Можно думать и о том, что срabатывает субъективный фактор: наивная геммология ассоциируется с рекламно-предписательными текстами о магических и лечебных свойствах камней, обильно заполонившими рынки, развлекательные средства массовой информации и даже проникшими в относительно серьезную литературу по минералогии etc. Изучение этих текстов кажется делом крайне неблагодарным, поскольку практически невозможно понять, что в них создано автором рекламного листка, а что принадлежит традиции и какова ее глубина и национально-культурная привязка: вследствие того, что камни издревле принадлежали к сфере роскоши и были объектами купли/продажи, они в этом качестве постоянно «перемещались» по свету — и асимметрично «перемещались» их названия и связанные с ними верования.

Можно называть и другие факторы, определяющие неизученность наивной геммологии и связанной с ней геммонимии, но наша задача не в этом, а в том, чтобы подступиться к этому материалу, **включить в число объектов этнолингвистических исследований**. Несмотря на всю свою специфичность,

этот материал (подчеркнем, именно наивная геммонимия, относящаяся к нестандарту, см.: [Березович 2020]) номинативно не «замкнут на себя», а взаимодействует с другими денотативными разрядами, поэтому один из методических приемов состоит в том, чтобы выбрать названия с ясной производящей основой, которая используется как в геммонимии, так и за ее пределами, и осуществить их мотивационную реконструкцию. Такая реконструкция самоценна, но вместе с тем она поможет наметить общие тенденции, которые реализуются при номинации драгоценных и поделочных камней.

В соответствии с этой логикой в настоящей статье для анализа выбран **русский геммоним вдовый камень**, для которого можно предположить ясную «ближайшую» мотивацию: «камень, который носят (могли / должны носить) вдовы» // «камень, который может принести вдовство тому, кто его носит». Но какова «дальнейшая» мотивация: почему вдовам предписано носить определенный камень, на каких мотивологических условиях образ камня «встречается» с образом вдовы, в какой традиции это происходит (т.е. является ли геммоним собственно русским — или же это результат калькирования), в какую примерно эпоху, под воздействием каких факторов etc.?

КАКОЙ КАМЕНЬ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ НАЗЫВАЕТСЯ ВДОВЬИМ И ПОЧЕМУ?

В русской языковой традиции *вдовьим камнем* принято называть **александрит**: такая номинация встречается во многих публикациях об этом минерале, причем не только в научно-популярных трудах и беллетристике, но даже в ряде случаев и в научной литературе, см., например: [БИЭДК, 22–27; Бобылев 2000, 119; Гураль 2011, 20–21, 30; Дав 1979; Забозлаева 2003, 16–18; Куликов 2003, 46–48; Лейкум и др. 2016; Николаев 2007, 48–49; Пронин 1985, 197–200; Чалов, Чалова 2020, 136–138], а также во множестве

представлена на форумах в сети Интернет и отмечена нами в ходе полевых исследований в речи горщиков и любителей камня на Среднем Урале [ЛТЭК]¹. Такая популярность номинации свидетельствует о существенной устойчивости и широком распространении современных представлений об александрите как о камне, наделенном доминантной характеристикой-«ярлыком», что не так часто встречается в наивной геммологии: как правило, молва приписывает каждому минералу целый ряд свойств, часто противоречивых.

Название *вдовый камень* не прескриптивное (предписательное), а дескриптивное (описательное): оно не подразумевает «инструкции» вдовам носить александрит в знак траура или для укрепления сил², а скорее транслирует поверье о том, что женщина, которая носит украшения с александритом или даже просто имеет их (не надевая), овдовеет. Отсюда представление о том, что в трагическую символику александрита верят главным образом женщины: «Если провести опрос о таинственных свойствах александрита в любой аудитории, от годовичного собрания Академии наук до профсоюзного собрания в редакции, результаты берусь предсказать заранее. Почти все мужчины ничего на эту тему не знают; остальные что-то слышали, но что именно — не помнят. У женщин соотношение иное: три из четырех сразу ответят, что александрит — *вдовый камень*, остальные тоже это знают, но застенчивость помешает им ответить» [Дав 1979, 87].

Показательна история, которую приводит автор популярных геммологических книг А. А. Лагутенков: «Однажды некая женщина принесла в ломбард сдавать под залог кольцо с большим меняющим цвет камнем. Она рассказала страшную историю, как из-за камня в этом кольце погибли мужчины в ее семье. По ее словам, эта семейная

драгоценность последовательно принадлежала прабабушке, бабушке и маме. От мамы перешло к ней. Впервые это кольцо приобрел первый муж прабабушки, чтобы сделать ей предложение руки и сердца. Через два месяца счастливого брака прабабушка стала вдовой. Женщина, пришедшая в ломбард, продолжила рассказ. Из ее слов следовало, что впоследствии маму и бабушку постигла судьба прабабушки — едва примерив кольцо, они в короткий срок становились вдовами. Когда сама эта женщина впервые надела кольцо с несчастливым камнем, буквально на следующий день при невыясненных обстоятельствах трагически погиб ее первый муж» [Лагутенков 2016, 45]. Трагический сюжет разворачивается и в рассказе «Вдовый камень», который написал уральский горщик И. И. Артемьев. Тяжело заболев, горщик Геннадий вспоминает о том, что в дальнем углу квартиры он спрятал прекрасный образец александрита, который нашел много лет назад. Счастливый, он принес камень первой жене, которая очень испугалась: «Я понимаю тебя, но ты убери его, это “вдовый камень”»; через два месяца она умерла. Горщик извлекает камень из дальнего угла, любит его красотой — и вторая жена находит его счастливым, но мертвым: «Жена гладила его, причитая, а александрит, выпавший из руки, мерцал своим кровавым светом, безучастный ко всему» [Артемьев 2019, 124–133].

Таким образом, «вдовья» характеристика александрита не относится к области социальной семиотики, но принадлежит к разряду суеверий, которыми особенно богата наивная геммология. Как часто бывает с мистическими запретами, существует «лазейка», противоядие для тех, кто все же рискует носить зловещий камень, — его нужно носить «в паре», в комплекте (избегая единичности камня, которая символизирует

¹ Авторы ряда обсуждаемых текстов могут оспаривать обоснованность этой характеристики александрита, искать объективные причины ее возникновения и т.д. — для нас в данном случае важно, что название *вдовый камень* и связанные с ним поверья транслируются снова и снова, вне зависимости от позиции пишущих об этом камне.

² Отметим, что практика ношения какого-либо камня для укрепления духа вдовы тоже фиксируется в мировой культуре, хотя гораздо реже, чем в целях «диагностики» состояния вдовства. Так, по поверью, зафиксированному в одном из ранних европейских лапидариев, камень, имеющий название *reflambine* (связанное с арабским обозначением янтаря), дает огромную силу вдовам [Lecouteux 2012, 272].

одиночество вдовы), и тогда тяжелой участи удастся избежать: «**Крoвaвый кaмень, вдовий кaмень** — это александрит. Его надо носить в паре, например кольцо у тебя — к нему сережки» [ЛТЭК]; «По преданию, александрит называют камнем печали и одиночества — вдовьим камнем. И если уж женщина решила носить его, то должна надевать изделия из камня парами. Иначе александрит принесет несчастье» [Пронин 1985, 197–200]; «<Александрит> вреден, если носить только один камень, но если носить два, а еще лучше три или четыре камня, то вредные его свойства нейтрализуются» [Куликов 2003, 47].

Суеверия, касающиеся связи александрита и вдовства, кажется, имеют «собственно русский колорит» (в других лингвокультурных традициях не зафиксированы) и получили широкое распространение только в XX в., причем во второй половине столетия они оказались так сильны, что многие минералоги были вынуждены писать «официальные опровержения», пытаясь восстановить справедливость и развеять страхи, связанные с этим камнем, см., например: [Дав 1979; Бобылев 2000, 119; Лейкум и др. 2016, 132–133]. В большинстве таких «опровержений» повторяется одна и та же объективная мотивировка поверий о вдовьем камне: утверждается, что это обозначение не имеет к александриту никакого отношения, а касается оно искусственной имитации (или синтетического аналога)³ натурального камня.

Известно, что первые опыты по синтезу искусственных хризобериллов осуществлялись в Европе в середине XIX в. [Лейкум и др. 2016, 126], а промышленное производство синтетического корунда с александритовым эффектом было налажено уже к началу XX в. [Там же], благодаря чему «искусственный александрит» стал доступен обывателям и, будучи камнем относительно недорогим, но красивым, приобрел популярность, ср. у А. Е. Ферсмана: «В последние

годы перед войной 1914 г. начался импорт самоцветов. Екатеринбург стал наводняться идарской дешевкой, т.е. изделиями из агата Уругвая и розового кварца, а также синтетическими камнями (рубином, александритом)» [Ферсман 2003, 203]; «Проезжая публика требовала сувениры из камней с Урала или из Сибири, поэтому выгоднее было для успешного сбыта выдавать заграничные камни за местные. Под наименованием уральских часто продавали искусственные камни из Парижа и Идар-Оберштейна; синтетические рубин и особенно светлый александрит получили широкое распространение на Урале...» [Там же, 242–243]. Другие источники иначе датируют моду на искусственный александрит — в них речь идет не о 1900–1910-х гг., а о конце 1930-х — начале 1940-х гг.: «Перед <Великой Отечественной> войной у нас в стране было налажено производство искусственных рубинов-корундов с примесью ванадия, которая придавала им александритовый эффект, т.е. изменение цвета при смене освещения. <...> Ювелирная промышленность их использовала, выпуская в продажу много недорогих украшений с “александритовым” камнем, которые охотно покупались» [Бобылев 2000, 119]. Есть и совсем поздняя датировка: в труде В. В. Буканова указывается, что синтетический александрит в США получен в 1972 г., а в СССР — в 1973 г. [Буканов 2008, 31]. Разумеется, в нашем исследовании не может высказываться экспертная оценка по этому поводу, но, думается, авторы имеют в виду разные сущности (что именно производится: имитация, например *александритоподобный корунд*, или синтетический аналог; являются результаты синтеза официально зарегистрированными или нет etc.). В любом случае на протяжении всего XX в. в России (Советском Союзе) и в мире (европейские страны, США, Япония) периодически внедрялись новые технологии синтеза искусственных

³ «Имитациями природных драгоценных камней называются изделия, лишь похожие на них внешне, — это могут быть как искусственно созданные материалы, так и дешевые природные или синтетические минералы-заменители. Синтетические аналоги — искусственно выращенные минералы, соответствующие природным камням по химическому составу и большинству физических и оптических характеристик (а иногда и слегка превосходящие их в этом)» [Лейкум и др. 2016, 126].

александритов, подтверждающие неугасающий интерес к имитации этого минерала (в том числе для использования в ювелирном деле), см. об этом: [Лейкум и др. 2016, 126 и далее].

Здесь важно, что все исследователи легенды о *вдовьем камне* связывают моду на искусственный александрит в России (Советском Союзе) с **предвоенным временем** — только в одном случае речь идет о Первой мировой войне, а во втором — о Великой Отечественной. Наплыв украшений с синтетическим александритом на прилавки привел к тому, что их обладательницами стали многие женщины, которые после войны овдовели⁴, так к александриту и привязался ярлык *вдовий камень*, — в этом сходятся знатоки исторической минералогии, и эта же версия встречается в популярных изданиях и в Интернете, ср.: «После окончания Великой Отечественной войны многие женщины остались вдовами. И человеческие предрассудки связали наличие александрита с вдовством его обладательницы»⁵; «Уходя на войну, мужья дарили украшения с александритом своим женам с напутствием дождаться их. Всем известна печальная участь миллионов советских граждан, которые погибли на поле боя»⁶ и т.д.

У нас нет повода отказываться от этой версии происхождения названия *вдовий камень* 'александрит', однако мы хотели бы предложить и другие возможные мотивировки данной номинации, рассмотрев «сюжет александрита» с точки зрения европейской траурной моды, а также в контексте российской истории, русской лингвокультурной традиции и семиотико-номинативного геммологического «стандарта».

АЛЕКСАНДРИТ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Начнем с краткой исторической справки. Считается, что александрит был открыт геологом и минералогом Нильсом Густавом Норденшельдом в окрестностях Екатеринбурга 17 апреля 1834 г., в день совершеннолетия российского цесаревича, будущего императора Александра II, и назван так в его честь⁷. Минерал, найденный на Урале в XIX в. («хромсодержащая разновидность хризоберилла, меняющая окраску от темной сине-зеленой, голубовато-зеленой, темной травяно-зеленой, оливково-зеленой при дневном свете до розово-малиновой или краснофиолетовой, пурпурной при вечернем или искусственном свете» [Лейкум и др. 2016, 20–21]), был известен человечеству и ранее: есть предположения, что он описан в древнеиндийских и тибетских трактатах под именем *вайдурья* (*вайдуриам*) [Там же, 16]; перстень с этим камнем был найден при раскопках захоронения половецкого хана в Запорожье, датируемого XII в. [Там же, 17], и т.д. В XIX–XX вв. месторождения александрита были открыты и в других странах: Индии, Шри-Ланке, Зимбабве, Танзании, Бразилии, США и др. [Там же, 93]. Однако в первой половине XIX в. — с официальным открытием на Урале, исследованием и наименованием александрита — был создан «каменный бренд» с несколькими устойчивыми компонентами. Объективные характеристики александрита (камень первого порядка, превосходящий по ценности бриллиант, т.е. очень дорогой; камень, встречающийся только в одном коренном месторождении — на Сретинских изумрудных коях Урала, да и то уступающий в объеме выработки и количестве ценных

⁴ В книге об александрите упоминается также период «великих чисток», под которыми, очевидно, подразумеваются репрессии 1930-х гг. [Лейкум и др. 2016, 162].

⁵ URL: <https://lutch.ru/magiya-kamnej/vdovij-kamen> (дата обращения: 15.03.2021).

⁶ URL: <https://kamenis.com/aleksandrit/pochemu-aleksandrit-nazyvajut-vdovij-kamen/> (дата обращения: 15.03.2021).

⁷ В книге [Лейкум и др. 2016, 18 и далее] эта широко распространенная версия открытия камня названа «красивой легендой»; авторы пишут, что камень был найден в 1833 г. (а не в 1834) на Урале «безвестным горщиком» и передан командиром Екатеринбургской гранильной фабрики Я. В. Коковинным вице-президенту Департамента уделов графу Л. А. Перовскому, который и привез минерал Норденшельду. Только в 1842 г., после проведения кристаллографических и химических исследований, Норденшельд предложил назвать камень *александритом*, «задним числом» привязав дату его открытия к празднованию совершеннолетия цесаревича. За подробностями отсылаем читателя к цитируемому труду.

образцов другим минералам, добываемым в этом месте, т.е. очень редкий) определили субъективные параметры этого «бренда»: «русский камень»⁸ и «царский камень»⁹.

Представление об александрите как о царском камне сформировалось благодаря столкновению двух мотивационных «течений». Первое из них — уже упомянутые дороговизна и редкость этого минерала (ср. *царский* перен. ‘роскошный, богатый’, т.е. *царский камень* — ‘камень, достойный принадлежать царю вследствие своих исключительных качеств’, ‘камень, доступный только царю вследствие своей дороговизны’), второе — символическая связь с императором Александром II.

Александрит был не только назван в честь цесаревича, но и стал «личным» траурным камнем императора после его трагической гибели от брошенной террористом бомбы: для многих обеспеченных людей, лояльных императорской фамилии, лучшим способом почтить память Александра II оказалось приобретение украшений с его «крестным» камнем¹⁰. Этот сюжет подробно описан Н. С. Лесковым в рассказе «Александрит. Натуральный факт в мистическом освещении»:

«После трагической и великоскорбной кончины усопшего государя, при котором прошли теплые, весенние дни людей нашей поры, многие из нас, по довольно

распространенному в человеческом обществе обычаю, желали иметь о дорогом покойнике какие кто мог вещественные “памятки”. Для этого разными читателями покойного государя избирались разнообразно вещи, впрочем, преимущественно такие, которые бы можно иметь всегда при себе.

Одни приобрели миниатюрные портреты покойного государя и вделывали их в свои бумажники или часовые медальоны, другие вырезывали на заветных вещах день его рождения и день его кончины; третьи делали еще что-нибудь в этом роде; а немногие — кому позволяли средства и кому представился случай — приобретали вставки из камня Александра Второго. Из них или с ними устраивали перстни, чтобы носить и не снимать эту памятку с руки.

Перстни с александритом были из самых любимых и притом из самых редких и, может быть, из самых характерных памяток, и кто добыл для себя таковую, тот уже с нею не расставался.

<...>

Мне досталось кольцо с александритом, шедшее с руки одного из незабвенных людей царствования Александра Второго.

<...>

Кольцо было сделано довольно затейливо и идейно — с символизмом: камень покойного государя Александра Второго

⁸ Ср. хотя бы пару фактов: в XIX в. у Н. С. Лескова в рассказе «Александрит» встречаем: «...он вдруг схватил меня за кольцо с александритом, который теперь при огне был красен, и закричал: “<...> Скорей! Смотрите, вот-вот тот вещий русский камень, о котором я вам говорил! Коварный сибиряк!»»; в XXI в. — многие годы спустя после открытия месторождений александрита в Африке, Азии, Северной и Южной Америке — в книге К. Шметцера с говорящим названием “Russian Alexandrites” видим характеристику: “the national gemstone of Russia” [Schmetzer 2010] и т.д.

⁹ Ср. в современных интернет-публикациях: «Императорский камень александрит» (URL: <https://aboutswiss.ch/society/imperatorskij-kamen-aleksandrit/> (дата обращения: 15.03.2021)); «Александрит MonteCrystal Gems — доступная роскошь царей» (реклама синтетических александритов) (URL: <https://montecrystal-gems.ru/nash-blog/iskusstvenniy-aleksandrit/> (дата обращения: 15.03.2021)) и др.

¹⁰ В интернет-публикациях нам встретилась и такая легенда, связывающая александрит не только с двумя ключевыми точками — совершеннолетием и гибелью императора, но и со всей его жизнью: «Свое официальное название — александрит — он получил в честь всероссийского императора Александра II и был подарен ему на совершеннолетие. <...> Дело в том, что с момента дарения Александр Николаевич не расставался с ним ни на день, считая его своим оберегом и талисманом. Лишь только в день гибели кольца с александритом на князе почему-то не оказалось. Люди стали массово покупать украшения с минералом в память о своем великом правителе, не переставая считать его виновником беды» (URL: <https://kamenis.com/aleksandrit/pochemu-aleksandrit-nazyvajut-vdovij-kamen/> (дата обращения: 15.03.2021)); «Александр II удалось пережить несколько покушений. По одной из легенд, камень-талисман хранил своего владельца от смерти. В марте 1881 года удача покинула Александра, он погиб от бомбы террористов. Говорили, что в этот день император позабыл взять камень-хранитель» (URL: <https://lenarudenko.livejournal.com/131985.html> (дата обращения: 15.03.2021)).

сидел не один, а его окружали два, чистой воды, брильянта. Они должны были представлять здесь собою два блестящие дела прошедшего царствования — освобождение крестьян и учреждение лучшего судопроизводства, которое сменило старую “черную неправду”.

Хороший густоцветный александрит немного менее карата, а брильянты каждый только по полукарату. Это опять, очевидно, с тем, чтобы брильянты, изображающие дела, не закрывали собою главного скромного камня, который должен напоминать самое лицо благородного деятеля. Всё это вделано в чистое, гладкое золото, без всякой пестроты и украшений, как делают англичане, чтобы перстень был дорогим воспоминанием, но чтобы от него “деньгами не пахло» [Лесков].

ИЗ ИСТОРИИ МОДЫ НА ТРАУРНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Легко заметить, что «александритовый бум», возникший после гибели императора, — не случайная сентиментальность, а следование европейской моде на траурные украшения (*mourning jewelry*). Эта традиция сложилась, по всей видимости, еще в античности (так, широко известны римские траурные камеи), окрепла в позднее Средневековье (речь идет о кольцах “*memoria mori*” с изображениями черепов, скелетов и цитатами из Священного Писания, которые наносились в память об ушедших близких) и получила распространение в XVIII и особенно XIX в. — в Викторианскую эпоху, см.: [Габриэль 2010]. Во времена правления королевы Виктории, вдовствующей на протяжении 40 лет, в Англии — тогдашней законодательнице европейских мод — был создан настоящий траурный культ с четким регламентом поведения и облика скорбящих; этикетные указания касались в том числе ювелирных украшений. Они должны были быть гладкими; допускались только черные матовые (не блестящие) камни, в первую очередь гагат, черный шерл (турмалин), черная шпинель, черный оникс, или искусственные материалы (гуттаперча, черное стекло), а также черная эмаль и морской жемчуг, символизировавший слезы; распространены были также траурные украшения из волос (не обязательно принадлежащих покойному), см.: [Bedikian 2008; Holm 2004; Lutz 2011;

Wallace et al. 2018; Габриэль 2010] и др. С течением времени, т.е. с переходом из фазы глубокого траура в полутраур, камни в украшениях скорбящих могли становиться светлее — разрешались серые и фиолетовые оттенки, в первую очередь аметист, из заменителей — аметистовое стекло, см.: [Wallace et al. 2018].

Траурные украшения носились не только по поводу смерти членов семьи, но и в знак памяти об упокоившихся монархах, и первые фиксации этой традиции относятся к XVI в. [Lutz 2011, 138]. Вот что пишет об этом Г.Н. Габриэль: «Более конкретный “адрес”, персонификацию, мемориальные украшения обретают со второй половины XVII века, особенно после казни в 1649 году английского короля Чарльза I (имеется в виду Карл I. — Прим. авт.). Вскоре после этого события роялисты, демонстративно или скрытно, начинают носить кольца, спрятанные в потайном отделении, с миниатюрными портретами казненного монарха, выполненные на эмали или пергаменте. <...> Вскоре в той же Англии появляются и так называемые “королевские мемориальные кольца”, заказываемые самими монархами в память о членах королевской фамилии. Считается, что первое такое кольцо было выполнено по поводу кончины королевы Марии II в 1694 г., а затем все члены английской королевской семьи удостоивались такой чести, вплоть до мемориального кольца с изображением принца Альберта, выполненного по заказу Виктории» [Габриэль 2010, 26–27]. В случае с королевскими мемориальными украшениями речь идет не только об изображении монарха на эмали или камее, но также об использовании в изделии пряди его волос (*royal relics*), ср.: “After the beheading of Charles I in 1649, numerous rings containing his hair commemorated the event, some reportedly dipped in pools of his blood on the scaffold” (После того как в 1649 г. Карл I был обезглавлен, в память о нем во множестве появились кольца с его волосами, которые, по слухам, были окроплены кровью, пролившейся на эшафоте) [Lutz 2011, 138, со ссылкой на: Scarisbrick 1989, 67–68]. Украшения с волосами супруга — принца Альберта — заказала после его смерти в 1861 г. и королева Виктория: “She <...> sent snippets of Prince Albert’s hair to Garrard’s — the royal jeweler’s — where they were worked into jewelry. At least eight

pieces were made that incorporated his hair. One was a gold pin fronted by an onyx cameo of the Prince with a box at the back for a curl, another a bracelet set with tresses from the heads of royal family members, mixed in with Albert's — a present for the Queen from one of her children. Her eight-year-old son was required to wear around his neck "a Locket with beloved Papa's hair" (Виктория отдала пряди волос принца Альберта королевским ювелирам в «Гаррард», где локоны были инкорпорированы в ювелирные изделия. Было изготовлено по крайней мере восемь таких украшений. Одно из них представляло собой золотую булавку с ониксовой камеей, другое — браслет, украшенный локонами волос членов королевской семьи, сплетенными с волосами Альберта, — подарок королеве Виктории от ее детей. Восемилетний сын королевы носил «медальон с локоном волос любимого *papa*») [Там же, 132]. Так достигается главная цель мемориального траурного украшения — оно должно непосредственно и недвусмысленно апеллировать к личности усопшего — посредством изображения покойника, вставки его волос, гравировки связанного с ним текста и т.п.

Европейская ювелирная траурная мода проникла и в Россию, об этом свидетельствуют материалы энциклопедии М. И. Пыляева «Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление», впервые опубликованной в 1877 г.: в этой книге неоднократно говорится о траурных украшениях и подходящих для них минералах и вставках (меланит, цейлонит, черный шерл, шпинель, камей и т.д.), см.: [Пыляев 1990, 222, 269, 383 и др.]. Известно о коллекции траурных аметистов вдовствующей императрицы Марии Федоровны (1759–1828); среди украшений имелся мемориальный браслет с портретом Александра I, выгравированным на аметисте [Забозлаева 2003, 34]. Траурные мемориальные кольца были созданы по поводу кончины императора Александра I (ум. 1825): «Они выполнялись в форме свернувшейся змеи,

с гладкой шинкой, покрытой черной эмалью. В центре, на щитке, помещалось профильное изображение императора, в окружении надписи — "Незабвенный", на внутренней стороне ободка гравировалась известная фраза его вдовы, Елизаветы Алексеевны, — "Наш ангел в небе"» [Габриэль 2010, 28].

Таким образом, описанная Лесковым ситуация использования украшений с александритом в мемориальных целях четко попадает в русло традиции поминовения монархов посредством семиотического ювелирного кода, а камень александрит, не просто тезоименный, но «посвященный» Александру II, идеально соответствует целям мемориальных траурных украшений, однозначно ассоциируясь с личностью императора (александритовая вставка при этом выигрывает у кольца с портретом своим изящным символизмом и дороговизной)¹¹.

Интересно, что александрит остался ситуативным траурным камнем: он использовался как знак скорби и памяти только по одному человеку — императору Александру II, он не входит ни в один из списков допустимых этикетом траурных камней ни в России, ни в Европе, не характеризуется как «поминальный» у Пыляева и в других доступных нам источниках. При этом он, будучи четким символом убиенного императора, сразу после гибели последнего приобрел трагическую и мрачную славу, см. у Лескова: «Смотрите, вот-вот тот вещий русский камень, о котором я вам говорил! Коварный сибиряк! он все был зелен, как надежда, а к вечеру облился кровью. От первозданья он таков, но он все прятался, лежал в земле и позволил найти себя только в день совершеннолетия царя Александра» [Лесков] — и у Н. Тэффи: «...удивительный наш уральский камень александрит, найденный в царствование Александра Второго и его именем названный пророчески. Носил в сиянии своем судьбу этого государя: цветущие дни и кровавый закат» [Тэффи].

¹¹ Ср. в тексте Лескова прямые отсылки к викторианским траурным обычаям: «После трагической и великоскорбной кончины усопшего государя <...> многие из нас, по довольно распространенному в человеческом обществе обычаю, желали иметь о дорогом покойнике какие кто мог вещественные "памятки"»; «Все это вделано в чистое, гладкое золото, без всякой пестроты и украшений, как делают англичане, чтобы перстень был дорогим воспоминанием» (курсив наш. — Авт.).

«КРОВАВЫЙ» ЦВЕТ КАМНЯ И ЕГО НОМИНАТИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Конечно, такой символизации немало способствует знаменитый дихроизм александрита — его способность менять цвет в зависимости от освещения и быть камнем-«двуцветом», то зеленым, то красным¹². Эти цвета александрита — оппозиции не только на цветовой шкале (т.е. по объективным оптическим параметрам), но и семиотически; максимально упрощая, упомянем всем известную информацию: зеленый цвет символизирует надежду, юность, цветение и процветание, красный — кровь, гнев, месть. Нетрудно заметить, что метафоры Лескова и Тэффи строятся именно на этом семиотическом противопоставлении¹³.

Итак, уже в конце XIX в. александрит приобретает славу *короваго камня* — снова в результате столкновения мотивационных «течений»: одно — исторический символизм (ассоциации дихроизма минерала с трагической судьбой императора), а другое — культурная семиотика геммологического «стандарта». Хорошо известно, что в геммологии цветовая символика всегда играла конституирующую роль. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно открыть любой лапидарий или современный минералогический справочник, ориентированный на широкую аудиторию; можно также сходить в картинную галерею и обратить внимание на выбор изображаемых художником камней: цвет минерала определяет лечебные и символические свойства, которые будут ему приписаны. Ярко-красные камни обязательно имеют ассоциативную грань — война, кровь,

гнев, могут пугать и отталкивать, а в ряде ситуаций их ношение становится нежелательным, ср. свидетельство А. Е. Ферсмана: «... в странах Европы и Америки после войны 1914–1920 гг. и вызванных ею революционных потрясений резко упал спрос на красные камни. Появление в «обществе» с украшениями из красных камней считалось признаком дурного тона»¹⁴ [Ферсман 2003, 199].

Кроме того, цвет минерала часто ложится в основу его наименования — как номенклатурного (ср. *азурит* < араб. 'синий', *берилл* < греч. 'зеленый', *верделит* < итал. 'зеленый камень', *кианит* < греч. 'голубой', *лазурит*, *ляпис-лазурь* < перс. 'небесно-голубой', *меланит* < греч. 'черный', *родолит* < греч. 'розовый камень', *рубин* < лат. 'красный' и т.д. [Бобылев 2000, 166–169]), так и нестандартного — региолектного, просторечного или жаргонного (ср. *зеленка*, *зелень* 'изумруд; берилл', *медная зелень* 'гидратированный карбонат меди, окисленный малахит', *синюшный* 'минерал синего цвета', *желтик* 'полевой шпат', *желтяк* 'цитрин; морион' и др. [ЛТЭК]). В основу цветового обозначения минерала может быть положена метафора — название объекта, предмета или вещества, обладающего «эталонным» цветом (ср. *аквамарин* < лат. 'морская вода', *антракс* < греч. 'уголек', *гелиодор* < греч. 'солнечный дар', *карнеол* < лат. 'цвет мяса', *оливин* < лат. 'маслина', *пироп* < греч. 'огненный', *родонит* < греч. 'роза' и др. [Бобылев 2000, 166–169]). В случае с красным цветом такой эталон — кровь, отсюда встречаем номенклатурное *гематит* < греч. 'красный' [Там же, 167], а также неофициальные

¹² Дихроизм александрита был семиотизирован сразу после его открытия, правда, поначалу без трагического символизма, ср.: «Вследствие столь сильного плеохроизма прозрачные вставки александрита, выгравированные приличным образом, днем кажутся зелеными, как изумруд, а вечером, при ламповом освещении, — как аметист, т.е. красновато-фиолетовыми. Это свойство описываемого камня дало повод Н. Норденшильду сказать, что александрит носит два главные русские военные цвета: зеленый и красный» [Кокшаров 1863, 2]. Есть и другие варианты символической интерпретации этого явления: к примеру, говорят о том, что «двойственность цвета александрита магически связана с двойственностью человеческой крови — артериальной и венозной» [Ханников 2009, 104]. О том, что способность менять цвет является определяющей в восприятии этого минерала, свидетельствует его номенклатурное название, употреблявшееся в XIX в. и до сих пор распространенное в англоязычной традиции, — *ди(а)фанит (di(a)phanite)* < греч. δι 'два' и φαίν 'казаться' (подробно о терминологической проблеме *дифанита/alexandrita* см.: [Лейкум и др. 2016, 24–25]).

¹³ Упомянем еще одну знаменитую легенду об Александре II, связывающую красный цвет и кровь, — будто бы еще в детстве цыганка предсказала ему смерть «в красных сапогах». При взрыве бомбы в 1881 г. императору раздробило ноги.

¹⁴ Не последнюю роль здесь играет и коммунистическая символика красного цвета.

именования: англ. *bloodstone* ‘гелиотроп; гематит’ [DGG, 98], рус. *кروавик* ‘гематит’, *саамская кровь* ‘эвдиалит’: «Красный, красивый, похож на кровь набрызганную. Встречается только в Хибинах. Почему “кровь”? Потому что красная. Почему “саамская”? Потому что в Хибинах. Мы забрались на плато Юкспор и там увидели красивые красные вкрапления саамской крови» (Екатеринбург) [ЛТЭК]. Видимо, не без участия этой номинативной модели появился и *кровоавый камень* ‘александрит’, ср. мотивационный контекст, записанный нами в ходе полевого опроса на Среднем Урале и никак не связанный с судьбой Александра II (но сохраняющий семиотику красных камней — кровавых, внушающих страх): «**Кровоавый камень** — александрит, и вот почему: дед и внук пошли хитничать. Дед оставил внука у костра, а сам ушел. Внук нашел красивый камень и играл им. Приблизилась ночь. Дед вернулся, а внук играет камешком. Дед попросил показать. Внук ладошку раскрыл — а там при свете костра кроваво-красное что-то во всю ладонь. Внук тоже не ожидал, ведь днем камешек был другого цвета. Они подумали, что мальчик горит, бросили камень и убежали» (п. Малышева) [Там же].

Не исключено, что представления об александрите как о трагическом, кровавом камне (сформировавшиеся, повторимся, в результате столкновения двух мотивационных течений: аналогии с печальной судьбой императора и соответствия семиотической и номинативной практике в отношении красных, т.е. «кровавых», минералов) повлияли в дальнейшем на формирование и закрепление характеристики *вдовий камень*.

Мода на александрит, вспыхивавшая дважды (после открытия камня и после гибели Александра II), иссякла к концу XIX в. — и по причине «неактуальности» символической связи с Александром II, и в силу большой редкости самого минерала и фактически полной выработки (как тогда считалось) его месторождений на Урале. Видимо, поэтому в коннотативном спектре александрита — редкого, дорогого, элитарного минерала, который

невозможно было купить, — не появилось новых граней: в русской традиции он так и остался *кровоавым царским камнем*¹⁵.

Всплеск «коннотативной активности» александрита, как уже говорилось выше, происходит в первой половине XX в. — с появлением на рынке его синтетических аналогов, доступных широким массам потребителей. Именно в тот момент, когда элитарный «бренд» становится эгалитарным (вспомним «доступную роскошь царей» из сноски 9) и камень возвращается в поле зрения общества, вновь начинают работать механизмы символизации, столь характерные для наивной геммологии. Большая популярность синтетического александрита и кровавые события XX в., затронувшие миллионы людей, приводят, как считается, к появлению у этого камня «ярлыка» — *вдовий камень*.

НОМИНАЦИЯ КАМНЕЙ SUB SPECIE РЕСУРСОВ «ВДОВЬЕЙ» МОДЕЛИ

Всё, что сказано выше, характеризует культурный контекст, способствовавший закреплению за александритом обозначения *вдовий камень*. Однако история геммонима определяется не только культурным контекстом, но и собственно номинативными ресурсами модели, в орбите которой находится образ вдовы (и, если понимать эту модель широко, других представителей аномального родства — сироты, холостяка etc.). Иначе говоря, есть смысл рассмотреть *вдовий камень* в ряду других метафорических предметных «вдовьих» имен, выделяя те мотивационные признаки, которые положены в их основу.

Темный цвет. Способность александрита принимать фиолетово-красный оттенок сближает его с аметистом (а в наивной геммологии сближения камней по цвету, которые могут включать в себя и переносы названий, — регулярное явление). Аметист тоже может именоваться *вдовьим камнем*, хотя в русской традиции такая трактовка встречается гораздо реже: «Вдовий камень — аметист. Любимый мой камень, зря его обидели! Поди, по цвету называли: ну, что темный, как цвет вдовы. Скромный такой» (Кайгородское) [ЛТЭК].

¹⁵ В других лингвокультурных традициях александрит наделяется разнообразными позитивными свойствами: «В Европе он символ любви и ревности, в Индии символизирует процветание, долголетие и предохраняет от болезней. Его считают также талисманом любителей азартных игр. Александрит принято дарить на 45-летний юбилей свадьбы» [Буканов 2008, 56].

Чтобы разобраться в том, как возникла эта трактовка, нужны специальные разыскания, которые не могут быть предприняты в рамках этой статьи, но можно высказать предположение о том, что «вдовья» символика аметиста — европейское заимствование (так, известны свидетельства о том, что в Новое время в Европе аметист ассоциировался с вдовством, что обусловлено коннотациями фиолетового цвета — цвета траура [Benoist 2009, 76]); не исключено (хотя менее вероятно) и независимое появление такой символики в разных традициях. Небезынтересно упомянуть здесь и историю знаменитого «проклятого» аметиста под названием *Герон-Аллен*, которая в одном из вариантов изложения предваряется таким рассуждением: «У аметиста двойная слава. С одной стороны, он издавна носит репутацию вдовьего камешка. “Остерегайтесь его, женщины, обрученные или замужние” — такие слова были вырезаны на одной из глиняных табличек шумерским жрецом еще 30 столетий тому назад»¹⁶. По многочисленным легендам, аметист Герон-Аллен (который был назван так по имени сотрудника Музея естественной истории в Лондоне — одного из владельцев этого камня) приносил множество несчастий всем, кто с ним соприкасался, а попытки избавиться от камня были безрезультатными [Печенкин 2017, 159–161]¹⁷. Где бы ни возникли представления о «смертных» (в том числе «вдовьих») коннотациях аметиста, они явно мотивированы темным цветом этого камня, и эта характеристика, повторим вновь, объединяет аметист с одной из «эманаций» александрита. Таким образом, темный цвет дает одну из граней «вдовьей» мотивации¹⁸; см. также сделанное выше замечание о том, что «траурными» камнями, в частности в Викторианскую эпоху, были гагат, черный шерл etc.

Непарность → отсутствие важного содержания. При номинативном использовании образа вдовы часто проявляется признак непарности и связанные с ним признаки единичности, отсутствия важного содержания, «выхолащивания», пустоты etc., см. об этом: [Березович 2014, 270–275]. Применительно к номинации александрита эта номинативная база имеет два варианта реализации. Первый из них был описан выше: изделия из александрита предписывается *носить в паре*, иначе можно потерять супруга или навлечь на себя другие несчастья.

Второй вариант связан с **условиями залегания камня**: у горщиков Среднего Урала популярно представление о том, что в той жиле, где залегает александрит, не может быть другого дорогого камня (изумруда). Вот высказывания по этому поводу наших информантов, знакомых с добычей изумруда и александрита (им задавались вопросы, какой камень называется вдовьим и почему): «*В старину хитник в поисках изумрудов бил шурф — дудку (небольшой шурф круглого сечения. — Авт.) и, если в породе попадались александриты, бросал ее и уходил на другое место. Известно всем, что где александрит, там изумруды искать бесполезно. Дудка без мужика, в ней работающего, брошенная, называлась вдовой. Соответственно камень из такой дудки — вдовий. Всё просто и исторически обоснованно. А байка с ушедшими на войну и погибшими мужьями — бред полный! Просто совпадение обстоятельств» (Екатеринбург); «*Первые старатели называли александрит вдовий камень. Считалось, что, если пошел хризоберилл, изумруда не будет. Но это не так, это чушь — про вдовий камень: на одной породе сидят и александрит, и изумруд» (Асбест) [ЛТЭК]. Подобные воззрения явно не новы: к примеру, о них пишет**

¹⁶ URL: <https://mirtayn.ru/trizhdy-proklyatyj/?fbclid=IwAR16mp7pTBFXy89iVR6dWNmP-sVuxqyKXIX-3OUKqAeZCQgKfl9kCVVRk6M> (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁷ См. сайт Музея естественной истории в Лондоне, где у этого аметиста есть своя страничка: URL: <http://www.museumsecrets.tv/dossier.php?o=61> (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁸ В славянских языках данный признак системно реализуется во «вдовьих» номинациях, принадлежащих разным предметным сферам: ср. рус. *вдовий цвет* 'литер. траурный, не светлый', 'простореч. лиловый, фиолетовый', рус. карел. *вдова, вдовица* 'рыба': «Пеструха с пятнам, вдовица черна», польск. *wdowa, wdówka*, чеш. *vdova, vdovka rajská* и др. 'африканская птица Vidua, самец которой имеет черную спину и очень длинный черный хвост', болг. диал. *свободна вдовица* 'астра итальянская, *Aster amellus* L.' (у ряда сортов синие или фиолетовые цветы), блр. диал. *удбушка палявая*, серб. *удовица* 'короставник полевой, *Knautia arvensis*' (цветы синева-лилового цвета), блр. диал. *удбушка* 'ахименес мексиканский, *Achimenes mexicana*' (сине-фиолетовые цветы с широким белым пятном в центре) [Березович 2014, 268].

известный немецкий минералог Р. Браунс (а скорее его русские комментаторы) в книге 1906 г.: «Единственным месторождением александрита являются уральские изумрудные копи по р. Токовой. <...> Попадаются они чрезвычайно редко: специальной добычи их не существует: появление же александрита на изумрудных приисках служит признаком их неблагонадежности» [Браунс 1906, 249].

Если рассматривать «вдовьи» названия такого рода на фоне других слов, реализующих сходные модели номинации («непарное», «единичное», «одиночное, не имеющее связей», «лишенное важного содержимого»), то следует отметить, что перед нами хорошо разработанная модель, в орбите которой различные «вдовьи», «сироты» и «холостяки» из разных предметных сфер, см. примеры: [Березович 2014, 270, 272]: рус. арх. *вдовая свая* ‘свая, состоящая из одного бревна’, сиб. *холостой столб* ‘столб в любой постройке, в котором нет паза для соединения досок’, твер. *вдовка* ‘сеть из одного полотна’, арх. *вдовица* ‘лепешка, изделие из теста без начинки’, чеш. морав. *ovdovělý* («вдовый») ‘без подкладки (об одежде)’, укр. диал. *удовець*, *удова* ‘первое или второе блюдо, подаваемое без другого’, полес. *сірота* ‘вытканная полоса одного цвета в полотне’, болг. *сирáчеце* ‘один, единичный узор’, простореч. *сираци* ‘носки, у которых потерялись пары’, рус. арх. *холостой* ‘не имеющий притоков (о реке)’ и пр. Встречается эта модель и в лексике, связанной с добычей камня, обработкой металла etc., ср. уральские примеры: *холостая колоша* ‘порция засыпаемой в домну плавильной смеси без какого-л. важного для нее компонента’ [СРНГ 51, 215], *холостая жила* ‘непродуктивная жила’: «Осматривать больше ничего не оставалось, — за первой ямой следовала такая же другая, потом подобные ямы, где жилы оказались “холостыми”» [Мамин-Сибиряк 1947, 274]. Мамин-Сибиряк, кстати, приводит поверье горщиков о том, что дорогие камни любят «одиночество»: «Всякого сословия камень по-своему крепится в жиле: который подешевле, так он груднее, а который подороже, так он совсем один попадетс» [Там же]. Это, конечно, в полной мере относится к представлениям об александрите.

Надо отметить, что признак обособленности по отношению к номинации драгоценных камней может реализовываться с характерным развитием в сторону единственности (в своем роде), **уникальности**. Так, в знаменитом минералогическом труде Аль-Бируни говорится о том, что в восточных традициях (у грузин, арабов и др.) одиночные жемчужины, являющиеся самыми ценными и крупными в составе богатых украшений, назывались «сиротами» [Бируни 2011, 96, 142, 382].

«Норма наборот». С названными выше номинативными признаками пересекается более общий признак аномалии, противоположности нормативному, принятому порядку вещей. Так, с представлениями о *вдовьем камне* пересекаются представления о *вдовьем пальце* (реализующиеся в соответствующих номинациях в русских говорах и просторечии, см.: [Березович 2014, 237–238]). Среди возможных «разворотов» этого образа есть такой, который связан с обычаями ношения обручальных колец, ср. описание современной городской практики ношения колец: «Обручальное кольцо надевают на безымянный палец правой руки, и незамужним не рекомендуется его “занимать”; средний палец многие считают вдовьим» [Там же, 238]¹⁹. Есть свидетельства информантов и о том, что, став вдовой, женщина должна носить *вдовье кольцо* на другой руке: «Обычное обручальное кольцо на правой руке, а если вдова — на левой носили» (Екатеринбург) [ЛТЭК]. Это поверье знакомо не только городским жителям, но и деревенским, ср. костр. *вдовья рука* ‘левая рука’: «Левая рука вдовья, вдовы-то кольца-то носят на левой руке» [ЛКТЭ]. Таким образом, перемещение кольца на другой палец или руку фиксирует изменившийся статус его обладательницы — и здесь мы имеем «переворачивание» нормы.

Сочетание «вдовье кольцо» есть и в англоязычном дискурсе: *widow ring* противопоставлено *wedding ring* и должно быть гладким, также возможно использование оникса и гагата [АРГЮП, 141]. О подобных практиках уже говорилось выше, здесь же следует подчеркнуть именно семиотическую нагрузку гладкого кольца,

¹⁹ Ср. также костр. *золотой палец*, *палец любви* ‘безымянный палец правой руки’: «Золотой палец — кольцо на ём», «Если замужем — кольцо на безымянном пальце правой. Это палец любви» [ЛКТЭ].

противопоставленного кольцу с камнем (т.е. с «содержимым»), а потому являющегося «обручальным наоборот».

Итак, «вдовья» модель может быть признана устойчивой моделью образной номинации, в том числе предметной. Она продуктивна, охватывает разные денотативные сферы, использует разные смысловые повороты и возможности развития образа. Поскольку эту модель можно признать каритивной, т.е. выражающей обобщенную идею недостатка, нехватки, отсутствия чего-л., см.: [Толстая 2008, 50–98], она достигает высокой степени схематизма, что усиливает ее продуктивность. За счет указанных свойств модели ей «поддается» и такая номинативная сфера, как наивная геммонимия, что выражается в появлении «вдовьего камня».

***

В заключение укажем, что русский александрит обнаруживает замечательное свойство реверса не только как реалья, обладающая уникальной двойственностью цветовых и световых свойств. Мы видим и своеобразный **номинативный реверс**: обозначение *вдовий камень*, формируя свое мотивационное пространство, описывается, с одной стороны, на уникальную

историко-культурную российскую традицию, на разные «пуанты» российской истории (гибель царя, две кровавые войны XX в. и др.), а с другой — на продуктивную номинативную модель с широкими возможностями обобщения. Феномен русского вдовства с трагической щедростью создает мощный социокультурный фундамент рассматриваемой модели, давая возможность питать и «подновлять» ее на разных временных отрезках, меняя охват исторической памяти: от личной, но очень резонансной истории царя до истории каждой семьи, затронутой войной. Семиотическое переживание русского вдовства вписано во внешний контекст (в первую очередь европейский), который дает дополнительные символические импульсы, связанные с особенностями семиотизации траура. Всё это цементируется объективными свойствами реалии, обладающей фантастическим цветовым диапазоном (с «кровавым отсветом»), дороговизной и редкостью. Вместе с тем многочисленные «вдовьи» номинации, особенно те, которые затрагивают объекты из мира природы, питают модель со стороны номинативной техники, создают особенности ее словообразовательной и мотивационной реализации.

Источники и материалы

АРГЮП — Англо-русский, русско-английский словарь: Геммология и ювелирное производство. Красноярск: КрасБерри, 2007.

Артемьев 2019 — *Артемьев И. И.* Радуга самоцветов. Минералогические зарисовки: Рассказы и стихи. Екатеринбург: Квадрат, 2019.

Бируни 2011 — *Абу-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. с араб. А. М. Беленицкого; Статьи и прим. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна; Под ред. И. М. Стеблин-Каменского и В. П. Никонорова; Вступ. ст. И. М. Стеблин-Каменского, Д. Абдуллоева и др. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петерб. лингв. об-во, 2011.

БИЭДК — Большая иллюстрированная энциклопедия: Драгоценные камни / Под ред. С. В. Афонькина, А. В. Савельевой. СПб.: СЗКЭО, 2018.

Браунс 1906 — Царство минералов: Описание главных минералов, их месторождения и значение их для промышленности: Драгоценные камни. Соч. д-ра Р. Браунса, ординарного профессора университета в Киле / Пер. с нем. В. Н. Лемана; С доп. относительно России А. П. Нечаева и П. П. Сущинского; Под общ.

ред. засл. проф. С.-Петерб. ун-та А. А. Иностранцева. СПб.: Тип. А. Ф. Девриена, 1906.

Буканов 2006 — *Буканов В. В.* Цветные камни: Энциклопедия. СПб.: Гранит, 2008.

Гураль 2011 — *Гураль С.* Самые известные драгоценные камни: Путеводитель-определитель. М.: Эксмо, 2011.

Забозлаева 2003 — *Забозлаева Т. Б.* Драгоценности в русской культуре XVIII–XX веков: Словарь: (История. Терминология. Предметный мир). СПб.: Искусство, 2003.

Кокшаров 1863 — Описание александрита, составленное Николаем Кокшаровым. СПб.: Тип. Имп. АН, 1863.

Куликов 2003 — *Куликов Б. Ф.* Камни-самоцветы. Поверья и легенды. 2-е изд., испр. и доп. М.: МСП, 2003.

Лагутенков 2016 — *Лагутенков А. А.* Драгоценные камни: Путеводитель по самоцветам. М.: АСТ, 2016.

Лейкум и др. 2016 — *Лейкум М. С., Альбрехт В. Г., Попов М. П., Реус П. А.* Загадочный камень царя Александра (об александрите, Александре II и не только о них). 2-е изд., испр. и доп. [Б. м.]: Изд. решения, 2016.

Лесков — *Лесков Н. С.* Александрит. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_4_1884_

alexandrit.shtml (дата обращения: 15.03.2021) (по изд.: *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 7. С. 395–408).

ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

ЛТЭК — Картотека «Лексика, топонимия, этнография камня» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Мамин-Сибиряк 1947 — *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Самоцветы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск: Свердловгиз, 1947. С. 247–321.

Николаев 2007 — *Николаев С. М.* Камни и легенды. 4-е изд., стер. Новосибирск: Сиб. университетское изд-во, 2007.

Печенкин 2017 — *Печенкин В.* Исторические камни. Мифы и реальность. М.: Ломоносовъ, 2017.

Пронин 1985 — *Пронин Л. А.* Уральский геологический музей. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985.

Пыляев 1990 — *Пыляев М. И.* Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. М.: СП «Х. Г. С.», 1990. [Репринт. изд. 1888 г.].

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

Тэффи — *Лохвицкая Н. А. (Тэффи).* Воспоминания. URL: <https://www.rulit.me/books/vospominaniya-read-166249-70.html> (дата обращения: 15.03.2021).

Ферсман 2003 — *Ферсман А. Е.* Очерки по истории камня. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. Т. 2.

Хаников 2009 — *Хаников А. А.* Мир самоцветов и драгоценных камней. [Б. м.]: [Б. и.], 2009.

Чалов, Чалова 2020 — *Чалов Ю., Чалова Ю.* Драгоценные камни: легенды и магия. СПб.: Весь, 2020.

DGG — *Manutchehr-Danaei M.* Dictionary of Gems and Gemology. 3-d ed. Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 2009.

Lecouteux 2012 — *Lecouteux C.* A lapidary of sacred stones: their magical and medicinal powers based on the earliest sources / Transl. by J. E. Graham. Canada: Inner Traditions, 2012.

Исследования

Березович 2014 — *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2014.

Березович 2020 — *Березович Е. Л.* К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 9–28.

Бобылев 2000 — *Бобылев В. В.* Историческая геммология. Геммохронология. М.: ВНИГНИ, 2000.

Габриэль 2010 — *Габриэль Г. Н.* Из истории ювелирного искусства: памятные, мемориальные и траурные украшения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2010. Т. 189. С. 26–31.

Дав 1979 — *Дав В.* О вдовстве и «законе александрита» // Химия и жизнь. 1979. № 6. С. 86–87.

Толстая 2008 — *Толстая С. М.* Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.

Bedikian 2008 — *Bedikian S. A.* The Death of Mourning: From Victorian Crepe to the Little Black Dress // Omega: Journal of Death & Dying. 2008. № . 57 (1). P. 35–52.

Benoist 2009 — *Benoist L.* Signes, symboles et mythes. Paris: PUF, 2009.

Brzozowska 1996 — *Brzozowska M.* Drogi kamienie // Słownik stereotypów i symboli ludowych / Red. J. Bartmiński. T. 1. Cz. 1: Kosmos: Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996. S. 421–439.

Holm 2004 — *Holm C.* Sentimental Cuts: Eighteenth-Century Mourning Jewelry with Hair // Eighteenth-Century Studies. 2004. № 38 (1). P. 139–143.

Lutz 2011 — *Lutz D.* The Dead Still Among Us: Victorian Secular Relics, Hair Jewelry, and Death Culture // Victorian Literature and Culture. 2011. № 39 (1). P. 127–142.

Scarisbrick 1989 — *Scarisbrick D.* Ancestral Jewels. London: Andrew Dutsch, 1989.

Schmetzer 2010 — *Schmetzer K.* Russian Alexandrites. Stuttgart: Schweizerbart Science, 2010.

Wallace et al. 2018 — *Wallace J., Thomas J., Anderson D., Olivier P.* Mortality as Framed by Ongoingness in Digital Design // Design Issues. 2018. № 34 (1). P. 95–107.

© Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова,
У. Штернгарц, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Березович Е. Л. <https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета: Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; тел.: +7 (343) 389-97-38; e-mail: berezovich@yandex.ru

Сурикова О. Д. <https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета: Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; тел.: +7 (343) 389-97-38; научный сотрудник отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН: Российская Федерация, 121019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; e-mail: surok62@mail.ru

Штернгарц У. <https://orcid.org/0000-0002-8158-5885>

Независимый исследователь: г. Екатеринбург; e-mail: yshtern0@gmail.com

---

An Attempt to Study Popular Gemology: The Russian “Widow’s Stone”

Elena L. Berezovich

(Ural Federal University: 51, Lenin av., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation)

Olesya D. Surikova

(Ural Federal University: 51, Lenin av., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation;
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences: 18/2, Volkhonka str.,
Moscow, 121019, Russian Federation)

Uri Shterngartz

(independent researcher, Ekaterinburg, Russian Federation)

Abstract. *This article is devoted to the study of the gemstone name “widow’s stone,” which in the Russian tradition means alexandrite, and indicates the popular belief that a woman who wears jewelry with alexandrite will inevitably become a widow. Historical gemology considers that such superstitions arose on Russian soil in the twentieth century and concern the artificial imitation (or synthetic analogue) of alexandrite. A flood of inexpensive jewelry pieces with synthetic alexandrite led to the fact that many women owned them, and many of these were widowed during the bloody events of the first half of the twentieth century. The authors do not reject this version of the origin of the name, but suggest other possible motivations for it. They consider the “alexandrite (folkloric) plot” from the perspective of European mourning fashion (the semiotization of mourning through jewelry; mourning and memorial jewelry) as well as in the context of Russian history. The latter includes the connection of the stone with Emperor Alexander II; the semiotic gemological “standard” (red stones as bloody stones; alexandrite dichroism as a powerful impulse for symbolization); and the Russian lingo-cultural tradition (the caritative motivational model of widowhood in relation to various objects, based on the signs of dark color, non-parity, emptiness and abnormality). Such a comprehensive approach to the study of popular “gemonymy” allows us to include folk names for stones and related phenomena among the objects of ethnolinguistic research.*

Key words: *gemonymy, ethnolinguistics, semiotics of mourning, motivational model, history of things.*

Acknowledgements. *The research for this article was carried out within the framework of the project “Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies,” funded by the Ministry of Education and Science of Russia (topic number FEUZ-2020-0056).*

Received: April 22, 2021.

Date of publication: November 25, 2021.

For citation: Berezovich E. L., Surikova O. D., Shterngartz U. An Attempt to Study Popular Gemology: The Russian “Widow’s Stone.” *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 4. Pp. 11–26. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.001>

References

- Bedikian S. A.** (2008) The Death of Mourning: From Victorian Crepe to the Little Black Dress. *Omega: Journal of Death and Dying*. 2008. No. 57 (1). Pp. 35–52. In English.
- Benoist L.** (2009) Signes, symboles et mythes [Signs, Symbols and Myths]. Paris: PUF. In French.
- Berezovich E. L.** (2014) Russkaya leksika na obshchieslavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya [Russian Vocabulary on a Common Slavic Background: Semantic and Motivational Reconstruction]. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. In Russian.
- Berezovich E. L.** (2020) K izucheniyu nonstandardnoi leksiki kamnya v russkom yazyke: postanovka voprosa [On the Study of Nonstandard Mineral Vocabulary in the Russian Language: Posing the Question]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts]. 2020. Vol. 22. No. 4 (202). Pp. 9–28. In Russian.
- Bobylev V. V.** (2000) Istoricheskaya gemmologiya. Gemmokhronologiya [Historical Gemology. Gemochronology]. Moscow: VNIGNI. In Russian.
- Brzozowska M.** (1996) Drogi kamienie [Precious Gems]. In: Słownik stereotypów i symboli ludowych. Vol. 1. Issue 1: Kosmos: Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie [Dictionary of Folk Symbols and Stereotypes. Vol. 1. Issue 1: Space. Sky. Celestial Bodies]. Ed. by J. Bartmiński. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Pp. 421–439. In Polish.
- Dav V.** (1979) O vdovstve i “zakone aleksandrita” [On Widowhood and the “Law of Alexandrite”]. *Khimiya i zhizn'* [Chemistry and Life]. 1979. No. 6. Pp. 86–87. In Russian.
- Gabriel G. N.** (2010) Iz istorii yuvelirnogo iskusstva: pamyatnye, memorial'nye i traurnye ukrasheniya [From the History of Jewelry: Commemorative, Memorial and Mourning Jewelry]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture]. 2020. Vol. 189. Pp. 26–31. In Russian.
- Holm C.** (2004) Sentimental Cuts: Eighteenth-Century Mourning Jewelry with Hair. *Eighteenth-Century Studies*. 2004. No. 38 (1). Pp. 139–143. In English.
- Lutz D.** (2011) The Dead Still Among Us: Victorian Secular Relics, Hair Jewelry, and Death Culture. *Victorian Literature and Culture*. 2011. No. 39 (1). Pp. 127–142. In English.
- Scarisbrick D.** (1989) Ancestral Jewels. London: Andrew Dutsch. In English.
- Schmetzer K.** (2010) Russian Alexandrites. Stuttgart: Schweizerbart Science. In English.
- Tolstaya S. M.** (2008) Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshchieslavjanskoi perspektive [The Space of the Word: Lexical Semantics in the General Slavic Perspective]. Moscow: Indrik. In Russian.
- Wallace J., Thomas J., Anderson D., Olivier P.** (2018) Mortality as Framed by Ongoingness in Digital Design. *Design Issues*. 2018. No. 34 (1). Pp. 95–107. In English.

© E. L. Berezovich, O. D. Surikova,
U. Shterngartz, 2021

ABOUT THE AUTHORS

Elena L. Berezovich <https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

E-mail: berezovich@yandex.ru

Tel.: +7 (343) 389-97-38

51, Lenin av., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation

DSc in Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University

Olesya D. Surikova <https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

E-mail: surok62@mail.ru

Tel.: +7 (343) 389-97-38

51, Lenin av., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Research Fellow, Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University

18/2, Volkhonka str., Moscow, 121019, Russian Federation

Research Fellow, Department of Dialectology and Linguistic Geography, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

Uri Shterngartz <https://orcid.org/0000-0002-8158-5885>

E-mail: yshterng0@gmail.com

Ekaterinburg, Russian Federation

Independent researcher

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)